

Василий Арсеньев

**Союз
нерушимый.
На
излёте
счастливой
эпохи**

Василий Арсеньев
Союз нерушимый. На
излёте счастливой эпохи

<https://litres.ru/74667879>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для Андрея Романова настали не лучшие времена: его компания разорилась, он потерял всё, что имел. И, пережив ещё целый ряд потрясений, в конце концов, решается на отчаянный поступок, не представляя, к чему тот приведёт...

Содержание

Пролог	4
Часть первая. Наваждение	16
Глава первая	16
Глава 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Василий Арсеньев

Союз нерушимый. На излёте счастливой эпохи

Пролог

Ничего не изменить...

- задумчиво сказал незнакомец. -

А, впрочем, всё возможно!

2029 год

Город никогда не спит...

Андрей Романов еще в юности познал правоту таких слов. В то время, когда учился в Оренбурге. Потом жизнь его гоняла по просторам большой страны. И везде он видел одно и то же.

То есть «как одно и то же»? - спросите вы. Разные места, разные люди...

Да. Здания и улицы городов отличаются. Вместе с тем люди, живущие в этих городах, имеют одни и те же желания, стремления, порывы, одинаково радуются, веселятся, отмечают Новый год и прочие праздники. И только горе у каждого свое, непохожее на другие. Одни топят его на дне бу-

тылки, другие уходят с головой в работу, а третьи... Такие, как Андрей Романов, когда страдают, ищут любви там, где ее быть не может. Как, например, в этом столичном ночном клубе, где гремит музыка, мерцают неоновые огни, а у шестов вертятся танцовщицы, сверкая своими обнаженными пышными прелестями.

В былые времена он был завсегдатаем этого клуба, и ему даже нравилась ночная жизнь, полная безудержного веселья до утра. В этой жизни купить за деньги можно всё, включая то, что называется «любовью», хотя и не является ею.

Дорогие коктейли лились рекой. Голова кружилась от выпитого и ритмичных телодвижений. Кровь в жилах закипала при виде обнаженных тел стриптизерш. Руки тянулись к стройным танцующим фигуркам, засовывая пятитысячные купюры в их трусики. Как-то раз Андрей попробовал полезть дальше... И тотчас нарушителя порядка подхватили под руки двое похожих на массивные шкафы громил, которые бесцеремонно вытолкнули его из клуба прямо на улицу. Один из них, впрочем, вскоре вернулся и бросил упавшему мужчине визитку с номером телефона.

Позвонив по этому номеру в следующий раз, Андрей поговорил с какой-то женщиной, которая певучим сладким голосом предложила ему интимные услуги девушек. В том же клубе была приватная комната для «VIP», в которой он стал частым гостем, встречаясь там то с брюнеткой, то с рыженькой...

Такой разгульный образ жизни Андрей Романов вел в прежние дни. Тогда, когда, вернувшись с войны, на полученные от государства деньги он открыл собственный бизнес.

Одно время дела у него шли в гору. И год спустя последовало расширение бизнеса – открытие еще одного магазина по продаже цветов. Он даже мечтал о собственной «цветочной империи». Однако, когда начался очередной финансовый кризис, настали тяжелые времена. Компания Андрея Романова разорилась. В счет уплаты долгов забрали его иномарку. Он потерял всё, кроме квартиры на окраине столицы.

Впервые за долгое время Андрей спустился в подземку и стал ездить на метро.

А хуже всего было то, что он остался один. *Совсем один.* От него отвернулся деловой партнер, которого он считал близким другом (они частенько вместе гуляли в ночном клубе), и даже любимая девушка бросила его.

С той девушкой Андрей Романов познакомился в том же ночном клубе. Она была там одна и выглядела печальной, когда он подсел за ее столик.

- Я могу заказать вам коктейль? – спросил он.

Молодая красивая девушка в ответ приветливо улыбнулась. Потом весь вечер она смеялась его плоским шуткам, а ночью оказалась в его постели, раздвинув ноги перед тем, кого едва знала.

Впоследствии, уже чувствуя себя обманутым, Андрей Романов понял, что эта девушка не случайно зашла в клуб тем вечером – она искала там спонсора. И нашла его... Они стали жить вместе. Он почти все время был на работе, а она ходила по бутикам и салонам красоты, тратя его деньги. Но стоило этому спонсору обеднеть, как она тотчас потеряла к нему всяческий интерес. И съехала от него, даже не попрощавшись.

Когда же он позвонил ей, услышал лишь то, что «набранный вами номер не существует». И эти слова прозвучали как приговор.

Какое-то время после этого мужчина, сломленный ударами судьбы, пил не просыхая... Пил до тех пор, пока однажды не проснулся в середине дня с мучительной головной болью и страшной жаждой, которую долго не мог утолить водой из-под крана. Потом около часа он провел в ванной, принимая холодный душ.

Тревожный сон, головная боль, водные процедуры, - это всё уже вошло в привычку у Андрея Романова. Но в тот раз, выйдя из ванной, он вдруг увидел человека с осунувшимся помятым заросшим лицом, - это было отражение в зеркале, в котором Андрей не сразу узнал самого себя.

- Что со мной стало? – вслух проговорил Андрей, пораженный переменой в своем облике. – Я – на краю пропасти! И от падения вниз меня отделяет всего лишь шаг...

Заглянув правде в глаза, он решил начать новую жизнь. И

тотчас приступил к поискам работы.

Эти поиски растянулись на несколько месяцев. И всё то время Андрей Романов находился в постоянной борьбе с самим собой. И хотелось бы сказать, что в той борьбе он неизменно одерживал победу. Но, увы. Завязать с прошлым оказалось совсем непросто. И частенько, приходя с очередного неудачного собеседования, он напивался до потери сознания и просыпался лишь под утро в сильном похмелье...

В конце концов, Андрей все-таки сумел взять себя в руки. И ему даже удалось произвести хорошее впечатление на директрису одной московской школы, куда накануне, - уже без особой надежды, - он отправил свое резюме.

Так, Андрей Романов стал школьным учителем.

Устроившись в школу, Андрей стал преподавать историю и обществознание в старших классах (9-11). Поначалу ему было нелегко освоиться в деле, которым он никогда прежде не занимался. Но само по себе преподавание ему нравилось, а старшеклассники порой даже радовали его своими успехами в учении.

Больше года проработал Андрей Романов в той московской школе, и в новом учебном году он даже согласился (под давлением директрисы) на классное руководство, хотя и не видел себя в этой роли, которая предполагает ответственность за воспитание детей.

Однажды он вел урок истории в 11 классе. Тема урока

была: «Советский Союз накануне Перестройки».

- В начале 80-х годов, - говорил учитель своим ученикам, - в СССР наблюдаются кризисные явления – то, что позднее назовут словом «застой». В политической жизни – это эпоха кремлевских старцев (Брежнев, Андропов, Черненко), в народном хозяйстве - падение производительности труда и замедление темпов роста производства, в повседневности все чаще царит уныние, что проявляется в распространении алкоголизма и утрате доверия к государственной идеологии. Увы, обещанного к 80-му году коммунизма, то есть общества, основанного на принципе: от каждого по способностям, каждому по потребностям, - люди так и не дождались. О том, что что-то не так в стране, свидетельствовало постоянное исчезновение товаров с прилавков. Очереди стали обычным явлением в жизни советских граждан. Советская плановая экономика оказалась не в состоянии обеспечить в должном объеме производство ширпотреба, то есть, прежде всего, продуктов питания, одежды, обуви. Вместе с тем с каждым годом все более проявлялось отставание СССР от стран Запада – особенно в сфере компьютерных и прочих высоких технологий.

О проблемах в стране знали и на верху, в Кремле: так, уже вскоре после смерти Брежнева новый генсек Юрий Андропов распорядился о подготовке реформ, направленных на ускорение социально-экономического развития, с чего собственно позднее начнется «перестройка», которая, как из-

вестно, приведет к распаду СССР. О том, как это произошло, мы с вами поговорим на следующих занятиях.

- Андрей Владимирович, - раздался девчачий голос из класса, - можно вопрос?

Учитель оглядел кабинет, где за партами сидело всего девять человек, и обратил внимание на юную девушку с умным взглядом.

- Да, Лена.

- А как вы думаете, мог ли Советский Союз не распасться и просуществовать до наших дней?

Андрей Романов улыбнулся.

- Вопрос сам по себе, конечно, интересный. Но не научный, ведь не зря же говорят, что история не любит сослагательного наклонения...

- Ну, а все-таки, - не унималась пытливая ученица. – Ведь если бы Советский Союз не распался тогда в 91-м году, наша жизнь была бы совсем другой. Не было бы «лихих 90-х», всех тех потрясений, связанных с Чечней. Не было бы войны, на которой погиб мой отец...

Учитель заметил слезы, что блеснули в глазах его ученицы. Она сказала о своем горе, а он вспомнил о своем... О жизни в окопах. В постоянной опасности и страхе. О смертоносных *птицах* в небе, что падают и рвутся или сбрасывают гранаты. Осколком одной из таких гранат его однажды самого зацепило, после чего он две недели пролежал в госпитале и о чем до сих пор напоминает шрам на груди совсем рядом

с сердцем. Еще чуть-чуть и он бы теперь не стоял здесь, рассказывая старшеклассникам о позднем Советском Союзе...

- Вне всякого сомнения, крах СССР – это историческая неизбежность, - заявил учитель. - Ведь в Советском Союзе уже в 70-е годы начался кризис. В конце концов, любая империя проходит стадии роста, расцвета, упадка. И СССР, конечно, не был исключением из этого правила. Хотя, - он запнулся, задумавшись, - если бы не чересчур поспешные и непродуманные реформы Горбачева, то, - кто знает? - возможно, Союз просуществовал бы еще какое-то время...

В этот момент прозвенел звонок.

После уроков Андрей Романов еще проверял контрольные работы девятиклассников и заполнял электронный журнал. Потом зам. директора по воспитательной работе прислала на его электронную почту список мероприятий для внеурочной деятельности. Наконец позвонила директриса, которая дала ему персональное задание. Со всем этим учителю удалось разобраться только ближе к вечеру. В шестом часу он выехал из ворот школы на своей новой машине, купленной в рассрочку.

В этот час машин в центре города было слишком много. Объехать затор не получилось, и последующие два часа Андрей Романов провел в автомобиле, слушая радио и время от времени слабо нажимая ногой на педаль газа. Его автомобиль медленно, то и дело останавливаясь, катился по запру-

женной машинами проезжей части столичного проспекта.

Музыка, что лилась из радиоприемника, не веселила. Было скучно и одиноко.

Вместе с тем стояла весна. Деревья в столичных скверах уже покрылись яркой зеленью. И, проезжая мимо Измайловского парка, Андрей вспомнил, как много лет назад, еще будучи совсем юным, он гулял по этому парку с девушкой, с которой... месяц спустя расстался. Тотчас нахлынули воспоминания о пережитых страданиях. О войне. И том недолгом счастье, что пережил он, вернувшись с фронта. То, что любовь была иллюзией, теперь, по прошествии времени, его уже не смущало. Он вспомнил о ночном клубе, где повстречался с последней своей возлюбленной. И ему захотелось вновь там оказаться.

Развернувшись на перекрестке, Андрей поехал обратно, в центр города. И вскоре припарковал свой автомобиль напротив сверкающего неоновыми вывесками заведения.

В клубе в тот час почти не было посетителей. Андрей сел на диван за столиком, который раньше, бывая здесь часто, считал своим. Его взгляд блуждал по обнаженным телам лениво танцующих стриптизерш и барменш в коротких юбочках, одна из которых подошла к нему с преysкурантом на напитки и, улыбаясь, осведомилась:

- Чего желаете?

Он заказал коктейль за две тысячи рублей и некоторое

время бессмысленно пялился на удаляющийся зад этой девушки. В этот миг ему совсем не хотелось телесной близости с ней. Он просто испытывал щемящее чувство одиночества и желание с кем-нибудь поговорить.

Когда принесли коктейль, Андрей долго держал бокал с соломинкой в своих руках. Это был вечер воспоминаний, которые захлестывали его волнами. Он вспоминал свою юность, которая была веселой и беззаботной. Свои студенческие годы, проведенные в Оренбурге. Он видел себя в компании таких же, как он сам, молодых людей. Они шутили, смеялись, заигрывали с девушками. Делились планами на жизнь. И тогда казалось, что после выпуска перед ними откроются все пути, что нет ничего невозможного, и что каждый добьется того, о чем мечтает. Друг – станет адвокатом и будет зарабатывать много денег. Подруга обретет счастье семейной жизни...

Андрей Романов еще витал в облаках своих воспоминаний, когда откуда-то сквозь громкую музыку до его слуха долетел веселый голос.

- Не угостите девушку коктейлем?

Незнакомка опустила на диван рядом с Андреем. На ней была белая почти прозрачная блузка и короткая юбчонка. И она наигранно в замедленном темпе положила ногу на ногу.

Проследив за ее телодвижением, Андрей Романов внезапно испытал странное чувство брезгливости. В его душе откуда-то взялась и быстро закипела злость, которая выплес-

нулась наружу. Но не сразу. Поначалу ему удалось выдавить из себя лишь одно слово:

- Что...

Девушка подумала, что он не расслышал, и повторила свой вопрос. Однако в следующий миг она вздрогнула от неожиданности, и улыбка с ее лица пропала.

- Что тебе от меня надо? – задал он свой вопрос.

- Я просто хотела... - начала она, с испугом взглянув на него.

- Что тебе надо? – взорвался он. - Зачем ты сюда пришла? Чего ты здесь ищешь? Папика? Спонсора, который будет оплачивать все твои хотелки?

- Грубиян! - вскочив с места, прокричала девица, которая тотчас отошла от него.

Выходка Андрея Романова привлекла внимание персонала клуба. На горизонте появился один из тех громил, с которыми он уже был знаком. Тогда Андрей решил не дожидаться, когда его выгонят, и, оставив деньги за коктейль и приличные чаевые, покинул заведение.

В сумерках Андрей Романов выехал из Города.

Он сам не знал, куда и зачем направляется. В этот момент его переполняли всевозможные эмоции: щемящая до боли в груди печаль, злость на весь мир, равнодушный к нему, как и безграничное отчаяние. Он внезапно осознал, что в его жизни ничего уже не изменится. И что больше не осталось то-

го, ради чего стоило бы продолжать это бессмысленное существование.

Решение пришло мгновенно.

Лишившись последних иллюзий, Андрей Романов сделал выбор между жизнью и смертью...

Он глядел во мрак ночи, рассеиваемый придорожными электрическими фонарями. А потом вдавил педаль газа в пол и резко крутанул рулевое колесо, направляя свой автомобиль напрямик на металлический бордюр.

Время замедлилось... Потом взорвалось, когда автомобиль со всего хода проломил ограждение и, проехав несколько метров, врезался в высокий забор. В момент столкновения из руля вырвалась надувшаяся подушка безопасности.

Андрей Романов испытал чудовищный удар в голову. Свет померк перед его глазами. Он провалился во Тьму...

Часть первая. Наваждение

Глава первая

Откуда-то издалека доносился голос, который монотонно что-то говорил.

Ужасно хотелось спать. Но я слышал этот голос и, повинаясь какому-то наитию, заставил себя очнуться. Глаза слипались. Некоторое время, протирая их, я боролся с собой, чтобы вновь не провалиться в забытие.

Я прислушался к голосу, который звучал в тишине. Не сразу мне удалось разобрать несколько слов. Получалось что-то невразумительное.

Уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению социалистической законности, - вещал голос, - предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития.

Придя немного в себя, я стал оглядываться по сторонам. И с немалым удивлением обнаружил, что нахожусь в просторном помещении с множеством расставленных рядами столов, за которыми сидели какие-то люди. Их было несколько десятков. Все они сосредоточенно писали, склоняясь над

своими тетрадами.

Я сидел позади остальных, за последним столом. Или, лучше сказать, за партой.

А в другом конце помещения была трибуна, - за ней стоял человек, который вещал тем самым монотонным голосом, что разбудил меня. Он, кажется, диктовал лекцию по истории государства и права.

Что всё это значит?— подумал я, пытаюсь вспомнить, как оказался в этой лекционной аудитории. Но в голове зияла какая-то пустота. И в этой пустоте раздавался все тот же монотонный голос: «Суд, прокурор, а также следователь и орган дознания, с согласия прокурора, по основаниям, указанным в статье 51 Уголовного кодекса РСФСР, вправе прекратить в уголовном порядке дело и передать его на рассмотрение товарищеского суда...»

Слушая эти слова, я живо представил себе не до конца закрытый кран, из которого капает вода. Капля за каплей. Именно так звучала речь этого горе-оратора.

- Что за ерунда? Какой еще товарищеский суд?! – невольно вырвалось из моего рта. И я подал голос как раз в тот самый момент, когда лектор перелистывал страницу своего выступления, а потому мои слова прозвучали в полной тишине и привлекли внимание тех, кто был в том зале. На меня обернулось несколько человек, сидящих впереди за партами, а стоящий за трибуной лектор, мельком глянув в мою сторону, сказал с улыбкой на лице:

- Кто-то все-таки проснулся... Аккурат под конец лекции. (В зале послышался смех, а я понял, что это он обо мне). Юноша, у вас, кажется, появился вопрос. Но я что-то не уловил его сути. Если не сложно, прошу вас, встаньте и повторите.

Я поднялся с места и, глядя вперед, на лектора, который был молод (лет тридцати на вид) и чей облик мне что-то смутно напомнил, вдруг заметил висящее за спиной у этого человека красное знамя, а чуть поодаль от него – барельеф с изображением Ленина. Собирался спросить одно, однако в итоге сказал совсем другое:

- Что здесь происходит?

- Здесь, юноша, - сказал он серьезным тоном, - происходит лекция по уголовному процессу РСФСР.

- Не понимаю, а что я здесь делаю?

- Наблюдая за вами вот уже минут так сорок пять, - отвечал он на мой вопрос, - могу смело сказать, что почти всю лекцию вы не делали ровным счетом ничего, точнее - спали. А это значит, что на семинаре я начну опрос именно с вас, Владимир.

- Как вы меня называли? – переспросил я, еще больше удивившись.

- Так называли вас родители, - уже с раздражением в голосе проговорил он. – Если вы так и не смогли сформулировать должным образом свой вопрос, можете садиться.

Он еще какое-то время читал лекцию, которая мне бы-

ла совершенно не интересна. В это время я все еще пытался вспомнить, как оказался в этом зале, и не слушал его. А потом обратил внимание на кожаную папку на молнии, что лежала рядом на соседнем стуле. Я заглянул в нее и увидел несколько общих тетрадей, исписанных мелким незнакомым мне почерком. Это были тетради по разным отраслям права: Гражданское, Уголовное и Уголовно-процессуальное.

Это чьё?— подумал я. — *Кто-то оставил?*

Еще рассматривая эти записи, я услышал, как молодой лектор отпускает своих слушателей.

- Все свободны, - сказал он. — Жду вас на семинаре. И готовьтесь к экзаменам.

Студенты разных возрастов, среди которых было несколько молодых женщин, выходили из аудитории. Я некоторое время не знал, что делать с кожаной папкой, но, поразмыслив, прихватил ее в намерении передать этому молодому преподавателю, чтобы тот вернул ее владельцу.

Подходя к трибуне, что была напротив дверей, я протянул ему эту папку, но он, не глядя, вдруг проговорил строгим голосом:

- Владимир, я, конечно, понимаю, что вы работаете. Но все же это лекционный зал, а не ваша спальня. Сюда приходят, чтобы учиться. Уголовный процесс у меня далеко не каждый сдает с первого раза. Имейте это в виду.

Он опять назвал меня чужим именем! Я хотел что-то воз-

разить, но остановился, осознав, что не знаю, кто я такой...

Я пребывал в недоумении, тщетно пытаюсь вспомнить свое имя. Между тем он складывал в портфель бумаги, а, окончив это, поднял глаза на меня. Я встретился с ним взглядом и вдруг понял, кто этот человек. Хотя в последний раз, когда мы виделись, он выглядел гораздо старше, я все же узнал его. Это был ректор Оренбургского института Московской государственной юридической академии, где я учился в нулевых годах.

Но что гораздо важнее, в этот миг я наконец вспомнил свое имя. И обрадовался при этом:

- Вы ошибаетесь, - сказал я, словно торжествуя победу, – Владимир Романов – это мой отец... Ну, а вы, если мне не изменяет память – Михаил Иванович Полшков. Как вам удалось так помолодеть?

Он удивленно посмотрел на меня и усмехнулся:

- С прошлой нашей встречи, которая была на той неделе, думаю, я мало изменился. Но хорошо, что вы хоть мою фамилию запомнили!

С этими словами он прошел мимо меня и скрылся за дверью.

Я проводил его взглядом, а потом спохватился, вспомнив о кожаной папке в своей руке. Тогда я последовал было за ним, но за дверью оказался пустой коридор. И я некоторое время озираясь по сторонам. Двинувшись наугад, я вскоре увидел лестницу, ведущую вниз.

Спустился по лестнице и оказался в вестибюле, где никого не было. Там я увидел массивную деревянную дверь. Открыв эту дверь, я вышел наружу.

Некоторое время я стоял на входе в это здание, оглядываясь.

Моему взору предстала оживленная улица. На тротуаре было довольно много прохожих, а на проезжей части – немало машин.

И вроде бы всё как всегда. Но... Я не сразу понял, что не так.

Проехал автобус белый с красными полосками. Промчалась черная «волга». И в ту, и в другую стороны сновали «москвичи» и «жигули» разных моделей и расцветок. И ни одной иномарки! Весь автотранспорт, общественный и личный, старый, еще советского времени. А люди, что проходили мимо меня...

Я не обратил внимания на одежду тех, с кем был в лекционном зале, но теперь мне бросилось в глаза, что эти люди одеты как-то непривычно. Слишком скромно, что ли...

- Посторонись! – неучтиво кто-то толкнул меня. Я обернулся, уступая дорогу человеку, выходящему из здания. Тогда мое внимание привлекла табличка, что висела у двери. Там было написано:

«Всесоюзный юридический заочный институт
Оренбургский филиал».

Всесоюзный, - прочел я про себя, а потом повторил вслух:
- Как так?

Я начал искать ответ на этот вопрос, задействовав весь свой жизненный опыт человека, который перевалил за отметку в сорок лет. И единственное, что мне пришло на ум: *не иначе, как снимают фильм о советском времени*. Я стал искать подтверждение этой догадке, сошел с парадного крыльца того двухэтажного здания и направился за угол, где, как думал, должны прятаться киношники со своей аппаратурой.

Я заглянул туда... Однако, кроме идущих по своим делам людей, никого там не увидел.

Был теплый летний вечер.

Улица Пушкина, – прочел я надпись на стене здания. Первой мыслью было: *нужно сориентироваться на месте*. Потому привычным движением я полез в карман – за своим телефоном, но оттуда достал несколько помятых купюр достоинством 1, 3 и 5 рублей, на каждой из которых было написано «Государственный казначейский билет СССР». Еще в моем кармане оказалась горсть копеечных монет.

Советские денежные знаки мне и раньше доводилось видеть. Помню, в детстве у меня была целая коллекция таких монет и купюр, но тогда они уже не представляли никакой ценности, поскольку рос я в другой стране и в другое время...

Эта находка привела меня в еще большее недоумение. И я понял, что без посторонней помощи не смогу разобрать-

ся в том, что происходит. Как раз навстречу мне попался какой-то человек, пожилой, лет семидесяти на вид, который вызвал во мне доверие.

- Можно у вас спросить? – обратился я к нему.

Он остановился, внимательно глядя на меня с доброжелательной улыбкой на лице.

Тогда, показывая найденные купюры, я торопливо с волнением проговорил:

- Не понимаю, что происходит. У меня в кармане каким-то образом оказались эти старые советские деньги. А там на табличке написано «Всесоюзный институт». Это что, какое-то реалити-шоу или программа «Розыгрыш»?

Он выслушал меня, и на его лице появилось недоуменное выражение. Он покачал головой и переспросил:

- Вы нашли деньги?

- Нет. Не об этом речь, - возразил я. – Я говорю, что... - и повторил свой вопрос.

Он замялся, кажется, опять не понял, о чем я спросил, а под конец проговорил:

- Если вы нашли деньги, то их можно отнести в отделение милиции. Это там, - он куда-то указал рукой, а потом продолжил свою неторопливую прогулку.

Что? Милиция? До сих пор не привык...

Ничего не добившись от этого старика, я вскоре остановил молодого человека. Он был в очках и куда-то спешил, но терпеливо выслушал мой вопрос. И... замер с тем же выра-

жением лица, что ранее было у старика. И также попросил повторить все сказанное.

- Извините, я тороплюсь. Если что-то не так с деньгами, обратитесь в милицию, - вежливо сказал он, направив меня всё по тому же адресу.

Я пребывал в полной растерянности и, не придумав ничего лучшего, решил последовать этому совету - отправился туда, куда показывали стар и млад.

Чтобы перейти на другую сторону оживленной вечерней улицы, воспользовался пешеходным переходом со светофором. Свернув за угол, я увидел здание, у которого стояли красные автоматы с надписью «Газированная вода».

Тем вечером погода выдалась довольно теплой. И к автоматам с газировкой выстроилась целая очередь.

Я невольно остановился, наблюдая за тем, как люди утоляют жажду. Каждый брал стеклянный граненый стакан, мыл его под струей воды, бьющей снизу, бросал копейки в монетоприемник и набирал воду с пузырьками... Такого я не видел никогда, не считая сцен из старых советских фильмов. И в этом было что-то поистине сюрреалистичное.

Вскоре я достиг здания с решетками на окнах, где на козырьке над входом висела табличка с надписью: «МИЛИЦИЯ».

Что за наваждение! – подумал я, не веря своим глазам.

Но решил оставить все вопросы на потом.

Я вошел в здание и увидел окошко с надписью: «ДЕЖУРНАЯ ЧАСТЬ».

Там сидел человек в форме лейтенанта. К нему я и обратился:

- Извините. У меня возникла проблема. Не подскажете, кто бы мог мне помочь?

Лейтенант, который перед этим что-то торопливо писал авторучкой, поднял на меня глаза и спросил:

- Что у вас случилось?

Этот вопрос тотчас поставил меня в тупик. Ведь я и сам не знал на него ответа. А в следующий миг перед моим мысленным взором промелькнули воспоминания, в которых была дорога, автомобиль, пробивающий металлическое ограждение и врезающийся в стену...

- Кажется, я попал в аварию.

Он недоуменно посмотрел на меня.

- Когда и где это произошло?

Я замялся и не сразу отвечал:

- Точно не знаю. Кажется, около двух часов назад... Где? На каком-то шоссе... Может, Ленинградка.

- Инспектор ГАИ выезжал на место происшествия?

- Думаю, что да...

- Почему вы не уверены в своих ответах? – выпалил он раздраженно. – Что собственно вас привело в наше отделение?

ние? Вы хотите написать заявление по данному поводу?

- Нет, - я отрицательно мотнул головой. – Я просто хотел бы с кем-то... проконсультироваться. Это возможно?

- Так, - задумался на мгновение дежурный лейтенант, - дорожными происшествиями у нас занимается капитан Смирнов. Он – в своем кабинете. Третий с правой стороны, - сказал лейтенант, указывая нужное направление.

Вскоре я вошел в кабинет, где на стене висели портреты Ленина и Брежнева, было несколько столов без всякой оргтехники (не считая пишущей машинки на одном из них) и в углу стоял большой металлический напольный сейф.

Капитан по фамилии Смирнов сидел за столом слева у окна и что-то быстро писал. Не отвлекаясь от своего занятия, он указал мне на стул возле своего места.

- Я попал в аварию, - сказал я, не дождавшись пока он кончит дело, - и потерял память. Мне нужна ваша помощь.

Потом капитан отложил исписанный лист бумаги в сторону и наконец посмотрел на меня.

- Как вас зовут, гражданин?

- Я потерял память. И не помню даже имени своего... - начал было я, он меня нетерпеливо перебил:

- Ну, а документы ваши?

- Документы? – переспросил я, удивившись, что до сих пор не подумал об этом. Потом поискал в нагрудном кармане своей рубашки и нашел там две небольшие книжечки: одна

называлась «профсоюзный билет» и, развернув ее, я с удивлением прочел следующее: «Владимир Андреевич Романов. 1958 года рождения. Профессия – наладчик ткацких станков». Потом раскрыл другой документ, на красной обложке которого значилось: «СССР. Паспорт» (с советским гербом по центру).

Капитан Смирнов потребовал от меня паспорт, и я передал ему этот документ. Ознакомившись с ним, он покосился на меня:

- Ну, так в чем собственно дело? Если у вас проблемы с памятью, так это не в милицию, а к врачу в поликлинику вам нужно обратиться, гражданин.

- Да, видимо, так, - сказал я, подумав, что *если мне и нужен какой врач, так это психиатр.*

Я вышел из здания милиции, изучая на ходу паспорт гражданина СССР, где была фотография моего отца в молодости. Пролистал страницы и в графе «Место жительства» прочел вслух:

- Прописан по адресу: г. Оренбург, улица Конституции СССР, дом 30/1...

Мне этот адрес совершенно ничего не говорил. Я помнил лишь, как отец когда-то рассказывал, что детство свое он провел в Оренбурге. Но сам я родился, когда отец с матерью уже переехали в городок А. на севере области: там прошли мои детские годы. Что же до моих студенческих лет, прове-

денных в Оренбурге, - они никак не были связаны с улицей Конституции СССР. А потому я был вынужден вновь обратиться за помощью к другим людям.

По пути в милицию я заметил автобусную остановку на улице Пушкина. К ней-то я теперь и вернулся. И там у первого из попавшихся на глаза людей, показывая на адрес в паспорте, спросил:

- Не знаете, где это находится?

Гражданин, солидный, в очках, стоял на остановке, держа раскрытую газету в руках. Он обратил на меня внимание, взглянул на адрес в паспорте и проговорил:

- Улица Конституции... Гм. Так это Степной!

- И как туда можно добраться?

- На автобусе. Он скоро сюда подойдет. Так что нам по пути.

- А что это вы читаете? – осведомился я удивленно. В последний раз видел, чтобы кто-то читал газеты, ожидая автобус на остановке... Да, пожалуй, никогда.

Он показал мне титульную страницу своей газеты, которая называлась «Известия Советов народных депутатов СССР». Там было несколько бросающихся в глаза заголовков статей: «В полете «Союз-34», «Дорожить летним часом» из рубрики «Сельскохозяйственное обозрение» и др., но мое внимание привлекла лишь дата выпуска этой газеты, указанная под ее названием: **четверг, 7 июня 1979 года.**

- Это сегодняшняя дата? – спросил я.

Он окинул меня недоуменным взглядом:

- Сегодня пятница, молодой человек, а это вчерашняя газета, - и тотчас вернулся к своему чтению.

Что же это? Неужели, в самом деле, я попал в прошлое? В СССР? Немыслимо! А, может, мне всё это снится?

Я ущипнул себя за руку, чтобы проверить. И ощутил боль. *Значит, это не сон. Но все равно похоже на бред... Нужно думать, что всё это значит. Допустим, что это не сон и не чей-то розыгрыш, - такое вытворять в подобных масштабах возможно только в кинофильмах вроде «Холопа»! Итак, если всё это взаправду, главное, понять, с чего всё началось. А началось всё с той аварии, в которую я попал по своей же глупости... А что если я умер и вместо того, чтобы отправиться в рай или ад, оказался здесь, в Советском Союзе времен Брежнева?*

Так я размышлял сам с собой, стоя на остановке общественного транспорта. Минут десять я там пробыл. Потом подъехал автобус – белый с красной полосой, я зашел в него через переднюю дверцу. Внутри было почти пусто, но на месте кондуктора сидела внушительных размеров грузная дама, которая продала мне билет всего за 5 копеек. Расплатившись с ней, я сел позади солидного мужчины с газетой.

Пока ехали, я жадно осматривался по сторонам. Сначала путь пролегал через центр города. Там было много зданий, мне хорошо знакомых еще со студенческих времен. Тот же Дом Советов (областное Правительство в начале 21-го века)

был точь-в-точь такой, каким я его помню, ну разве что с красным флагом на крыше вместо триколора. А вот знаменитый «Оренбургский долгострой» был гораздо меньших размеров – его, кажется, только начали возводить. Издали увидел грязноватого цвета здание моей «альма-матер» - Оренбургского института МГЮА. Въехали на проспект Победы, а там водонапорная башня – еще одно хорошо узнаваемое городское сооружение.

Однако все больше было зданий, которых я никогда раньше не видел или не знал такими, какими они представляли моему взору теперь. А что до транспорта на дорогах, как я уже говорил, он был сплошь старого советского автопарка. Ни одной иномарки – приметы капиталистической России - на протяжении всего маршрута я не заметил.

Это было очередное потрясение. И, пожалуй, самое сильное за эти несколько сумасшедших часов. Окончательно развеялась надежда на возможность мистификации. Все, что было вокруг, происходило на самом деле.

А, может, это всё – моя галлюцинация? Может, я просто болен?

Я протер глаза. Но все вокруг осталось таким же... Нереальным!

Я заранее попросил кондукторшу, и она предупредила меня о моей остановке, которая была первой после кольцевой дорожной развязки на улице Конституции СССР (кстати го-

вора, я вспомнил, что и в моем времени в Оренбурге была улица с таким названием).

Когда я вышел из автобуса, вечер уже клонился к ночи. На широкой улице загорались фонари. Жара спала. Стало прохладней.

Почти сразу мне удалось сориентироваться на местности. Увидев дом под номером 22, я пошел далее и понял, что *иду в верном направлении.*

Прямо как говаривал дедушка Ленин, - подумал я про себя и даже улыбнулся этой мысли.

Вскоре я дошел до тридцатого дома. И здесь мне пришлось немного поплутать, в поисках таблички с надписью 30/1. Это был пятиэтажный панельный жилой дом.

Найдя нужный подъезд, я вошел внутрь и в свете тускло горящей лампочки пытался разглядеть лифт, но заметил лишь бетонную лестницу, по которой поднялся на верхний этаж.

На лестничной площадке горело электрическое освещение. Я быстро нашел нужную квартиру, но некоторое время стоял перед дверью, не решаясь позвонить. Сердце бешено стучало в груди. Было страшно, но в то же время любопытно: *что же меня ждет дальше?*

Наконец любопытство пересилило чувство страха, и я нажал на кнопку звонка. По ту сторону двери раздался звук, будто какая-то неведомая птица пропела своим голосом.

Вскоре послышались торопливые шаги, а потом дверь распахнулась. И мне явилось доброе приветливое лицо женщины.

- Володя, что-то ты припозднился сегодня, - с улыбкой сказала она.

Открыв мне дверь, эта женщина нырнула вглубь квартиры. Я не сразу, собравшись с духом, последовал за ней и оказался в тускло освещенном коридоре, где была вешалка для одежды и тумбочка для обуви. Там я услышал как будто голос, что доносился из приоткрытой двери, ведущей в какую-то комнату. Кажется, это был включенный телевизор.

Из двери, что была напротив, показалось лицо той женщины, которая с недоумением посмотрела на меня.

- Ты что стоишь? – удивленно проговорила она.

Тогда я закрыл за собой входную дверь и, положив на тумбочку папку с тетрадями, стал разуваться. Потом, надев первые попавшиеся тапочки, я прошел дальше по коридору и осторожно заглянул в ту дверь, где скрылась женщина.

Она стояла у плиты. Обернулась на меня с вопросительным видом.

- Второй раз уже разогреваю. Думала, что ты сегодня придешь пораньше. Где ж ты задержался? Или с Юлечкой опять гуляли?

Я не знал, что ей ответить. Немного покраснел. И просто стоял у двери, ведущей на кухню.

- Ты сегодня странный какой-то, - заметила она, прибли-

жаясь и разглядывая меня. – Всё в порядке?

Потом она коснулась рукой моего лба и заботливо сказала:

- Температуры вроде нет.

Теперь, в свете кухонной лампы мне удалось как следует рассмотреть лицо той женщины. И вдруг меня осенило!

Это была моя бабушка. Звали ее Людмила Георгиевна. Мне не довелось знать ее лично: она умерла еще до моего рождения, в году так в 83-м. Но я видел ее на фотографиях. Высокая и стройная, красивая русоволосая женщина среднего возраста. Именно такой она и предстала мне теперь.

Я как замороженный глядел на нее не отрываясь. И мне казалось, что я вижу привидение.

- Нет, все-таки что-то с тобой сегодня не так, Володя, - сказала она, возвращаясь к плите и ложкой помешивая в кастрюле. Потом она вновь обернулась.

- Ты руки вымыл?

- А где здесь можно... - начал было я и запнулся.

- Да что с тобой такое? – усмехнулась она. - Забыл, где ванная? Там по коридору.

Я прошел мимо гостиной, где работал телевизор: голос диктора что-то говорил о Владивостокском судостроительном заводе.

Вскоре я нашел комнату с совмещенным санузлом. Оказавшись там, я заперся на шпингалет.

Над раковиной висело зеркало. Я посмотрелся в него и

замер в немом изумлении.

- Что это? Как так? – говорил я, ощупывая себя и видя в зеркале молодое лицо моего отца, который давно уже...

Всё, что происходило в эти несколько часов, теперь обрело полноту картины, но понимания от этого не прибавилось.

Дрожащими руками я открыл кран, - полилась вода, и взял кусочек хозяйственного мыла, который тотчас выскользнул у меня из рук, упав на пол. Поднял мыло и со второй попытки вымыл руки, потом несколько раз ополоснул холодной водой лицо, лелея призрачную надежду, что это приведет меня в прежнее состояние. И всё пройдет, как кошмарный сон, как *наваждение*.

Однако и после того, как я умылся и обтерся полотенцем, в зеркале всё так же было хорошо знакомое, но... *не мое*лицо...

Я – в теле своего отца?! Уму непостижимо!

Мой разум отказывался верить в происходящее.

- Володя, как ты там? – слышался из-за двери обеспокоенный женский голос, принадлежащий... - я уже не знал, как лучше выразиться: *бабушке или матери*.

- Я скоро. Дай мне еще минуту, - крикнул я с раздражением, в котором, на самом деле, таился жуткий страх.

Потом я опустился на крышку унитаза и еще некоторое время сидел так, пытаясь хоть как-то привести мысли в порядок.

- Итак, - под конец сказал я сам себе, - после аварии мое

сознание каким-то образом переместилось в тело молодого отца, живущего в советском Оренбурге. Либо всё это правда, либо мне всё это снится... В общем, удовлетворительных объяснений пока нет, и оставим поиски ответов на потом. А пока мне надо что-то со всем этим делать.

И тогда я начал усиленно вспоминать все, что слышал от отца о его родителях.

Дед Андрей (меня называли в честь него) был врачом, много лет проработал в городской больнице. Бабушка, кажется, учила детей в школе. В общем, типичная советская семья. У них был один ребенок – мой отец, который родился в 1958 году. Называли его Владимиром. Он окончил восьмилетку, потом учился в техникуме и, кажется, получил специальность... - я достал из кармана профсоюзный билет и подсмотрел, - да, так и есть: наладчик ткацких станков. Отец однажды рассказывал, как вернувшись из армии, несколько лет проработал на Оренбургском комбинате шелковых тканей.

Я подошел к зеркалу и вновь взглянул на свое отражение.
- Если сейчас лето 79-го, то ему двадцать один год. Он простой рабочий на фабрике. Перемены в его жизни, как и во всей стране Советов, начнутся только шесть лет спустя...

- Ну, что с тобой, мой дорогой? – такими словами встречала меня моя... в общем, Людмила Георгиевна.

- Да так... - я замялся. – Наверное, что-то не то съел во

время обеда.

Я сел за стол, на котором стояла дымящаяся чашка с супом и тарелка с мелко нарезанной колбасой.

Услышав мои слова, она сходила за таблетками, и я был вынужден выпить принесенный ею активированный уголь.

- А где отец? – спросил я, приступив к ужину.

- Ты разве забыл? – вновь удивилась она, сев напротив и внимательно наблюдая за мной. – У него сегодня ночная смена.

- Забыл. У меня ведь сегодня был тяжелый день, ба... - начал было я и осекся. – Мама. Я ведь работаю. Да еще и учусь заочно. А это нелегко.

Людмила Георгиевна немного помолчала, а потом осторожно проговорила:

- Когда ты пришел из армии и сказал, что хочешь стать юристом, мы с твоим отцом так удивились. Ведь среди нашей родни ни у кого не было этой профессии.

- Вам, кажется, не нравится это решение. Но не всю же жизнь горбатиться рабочим на фабрике, - бросил я небрежно.

- Тебе, конечно, видней, сынок, - вздохнула она. - Да, только я беспокоюсь: если ты хочешь работать в прокуратуре и бороться с преступностью, ведь это очень опасно...

- В прокуратуре? – переспросил я с усмешкой. – Никогда не думал об этом. Я всегда мечтал о государственной гражданской службе. Но ничего у меня не получилось. Я оказал-

ся никому не нужен в том мире...

Я запнулся, осознав, что сболтнул лишнее, и украдкой поглядел на нее. Но Людмила Георгиевна как будто не слышала моих слов, о чем-то задумавшись.

- А что Юлечка? – вдруг спросила она, собирая со стола опустевшую посуду и относя ее в раковину.

Я вопросительно посмотрел на нее.

- Вы с ней виделись сегодня?

Я отрицательно мотнул головой.

- Девушка хорошая, - сказала Людмила Георгиевна, поставив чайник на плиту, и, обернувшись, вдруг спросила: - Когда собираешься сделать ей предложение?

- Предложение? – я был поражен, не ожидая такого поворота. – Да мне только 21 год. Куда торопиться-то? А эту «Юлечку» я даже толком не знаю!

- Ну, как это не знаешь? – возразила она. - Год знакомы, встречаетесь уже шесть месяцев...

- По советским меркам совсем немного, - задумчиво говорил я, вспомнив рассказы о девушках того времени, об их скромности и прочих пуританских нравах.

- Тебе, конечно, видней, сынок. Но все-таки мы с твоим отцом не вечны. И тебе нужно обзаводиться своей семьей.

- Вы что, меня гоните?

- Нет, что ты. Просто... - она опять вздохнула, - в этот момент загудел чайник на плите, - и слабо улыбнулась:

- Давай пить чай, мой дорогой.

В той оренбургской квартире у моего отца была своя спальня: небольшая довольно тесная комната с кроватью, письменным столом и настольной лампой, с настенной полкой, сплошь заставленной какими-то книгами.

Какой сумасшедший день! Я совершенно измотан!

Очутившись в этой комнате, я осторожно запер дверь и, ничего не рассматривая, тотчас рухнул на кровать и залез под одеяло.

События этого дня по-прежнему казались чем-то нереальным, кошмарным сном. И хотелось верить, что утром, после пробуждения, всё наконец вернется на круги своя.

С этой мыслью я провалился в забытие...

Глава 2

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.